

"А теперь преклоните колени, глупцы, и станьте свидетелями моего вознесения на небожительский престол!" - Последние слова Грозной Императрицы Синистры IV, Ошибочной Прошло несколько секунд молчания, прежде чем Тамика склонила голову набок. "Твой план?" - спросила она. "Не поощряй ее", - ругнулся Одинокый Мечник. Я снисходительно улыбнулся, оглядываясь по сторонам в поисках более защищенной позиции. Если монолог поможет мне выиграть время, то я был более чем готов некоторое время пожевать декорации. "Я рад, что ты спросила, Тамика", - объявил я. "Видишь ли, хотя может показаться, что это просто кровавый хаос, на самом деле вся ситуация была..." Скимитар прошел в сантиметре от моего горла, и я в панике отступил назад, замахнувшись мечом на теперь уже видимый силуэт Рашида. Точно. Не зря долгоживущие злодеи не произносят речей. Ублюдок все еще был в маске и, не говоря ни слова, скрылся в дыму, исчезнув в мгновение ока. Ну разве это не было весело?

При такой видимости у него не было практического ограничения на количество повторений своего трюка. Пока я был занят тем, что пытался не перерезать себе горло, завуалированная Сонинка и герой, видимо, сорвали переговоры: Арбалет Тамики лежал на земле, брошенный ею, пока она пыталась отбиться от черноволосого мужчины своим длинным кинжалом. И, как я с удовлетворением отметил, у нее это получалось довольно плохо. Странный меч прочертил длинную полосу по ее лицу, сорвав черную вуаль. Он запел, когда заструилась кровь, издав громкий звук, когда острое металла вспыхнуло красным. Я вздрогнул от этого звука, от того, как неправильно он прозвучал. Эта штука определенно была заколдована, и не в хорошем смысле. По моей оценке, арбалетчица не собиралась выкручиваться. Длинноволосая девушка-сонинка неплохо владела своим кинжалом - несомненно, лучше, чем я, - но Одинокый Мечник был совсем в другой лиге.

Он двигался скорее как машина, чем как человек, спокойно и методично преодолевая защиту Тамики и нанося ей все более страшные раны.

Я подумывал о том, чтобы присоединиться к танцу, но это показалось мне залогом смерти от рук Рашида. Подняв меч, я вытер пот со лба и двинулся к литейному цеху, расположенному впереди. Несмотря на то, что я прокладывал себе путь через эту встречу с помощью откровенной лжи и плохой маскировки, я не собирался позволить ей перерасти в какую-то кульминационную схватку с участием всех моих врагов. Я бы, например, наверняка проиграл. Я был уверен, что уже освоил аспект Обучения своего Имени - тот факт, что мне никогда не требовалось читать страницу дважды, чтобы безупречно ее запомнить, говорил об этом, - но это не слишком помогло мне, когда дело дошло до фехтования. Все, что мне помогало в бою, - это необычайно быстрые рефлексy и знание вкуса крови во рту. Не то, решил я, из чего делаются победы.

Но был и другой способ справиться с этой неприятностью: я стоял менее чем в тридцати футах от зажженной печи, а большинство моих врагов услужливо сгрудились внутри легковоспламеняющегося здания. Значит, надо поджечь печь и спрятаться у выхода, чтобы ударить в спину всем, кто выйдет. Не самый благородный план, но честь была у людей достаточно могущественных, чтобы позволить себе такую роскошь.

Мне как-то удалось выйти из комнаты без вмешательства маски, потеряв из виду Тамику и ее героического противника - для этого пришлось перешагнуть через труп моей проводницы. С легким ужасом я увидел, что ее шея наполовину перебита. Несомненно, это дело рук Рашида. И тут мой коварный план натолкнулся на препятствие: стоя у печи, Чайдер смотрела на меня с нечитаемым выражением лица. "Итак, - заговорил я, переместившись так, что стол оказался за моей спиной, - я полагаю, вы не захотите придерживаться перемирия?" Чайдер пожала плечами, ее обветренное лицо напряглось. "Ничего личного, Каллоу-герл", - ответила она на нижнем мизанском. "Просто деньги были слишком хороши, чтобы от них отказываться".

Деньги? Кто бы мог... "Наследница", - понял я. "Наследница подкупила вас троих, чтобы вы меня вытащили".

"Я не знаю, добралась ли она до Рашида, - заметил Чайдер, - хотя не думаю, что ей это нужно. Но нас с Тамикой она нашла, да. Не знаю, чем ты ей так насолил, но она готова выложить целое состояние за то, чтобы ты умер". Я нахмурился. Я еще не встречался с этой девушкой лицом к лицу, а уже начинал ненавидеть ее до глубины души. "Вы же понимаете, что она играет со всеми вами?" сказал я. "Она будет соперничать с тем, кто станет сквайром, и поэтому пытается вмешаться в процесс утверждения". "Возможно, она так и думает", - согласился Чайдер, - "Почему-то ей кажется, что ты самый опасный из нас четверых, и кто знает? Возможно, она даже права. Но я не против, чтобы она получила то, что хочет, если только я тоже получу то, что хочу". "И это мой труп?" Я хмыкнул, уже готовясь спрятаться в укрытие, когда начали лететь боеприпасы.

"Я хочу быть сквайром", - резко поправил Чайдер. "Мне все равно, как я этого добьюсь. Никогда еще не было гоблинского Сквайра, Кэллоу-герл. Или Черный Рыцарь, или Императрица. Племена сделали для Празса больше, чем все Высшие Лорды вместе взятые, но даже сейчас все, на что мы можем претендовать, - это быть последователями. Если для исправления ситуации мне придется убить несколько человек, пусть будет так". Я мог посочувствовать ему, действительно мог. Я знал, каково это - быть частью системы, в которой лучшее, что тебе удастся, - это быть чуть выше дна. Но ее путь, очевидно, подразумевал, что я стану трупом, а это не тот пункт, по которому я мог бы пойти на компромисс. "Знаешь, нам не обязательно ссориться", - сказал я ей. "Я все еще готов заключить перемирие, пока Одиноким Мечник не будет мертв". Чайдер усмехнулся, оскалив зубы и злобно оскалившись. "Глупая девчонка, я не собираюсь с тобой драться". Она потянулась к ранцу у бедра и достала оттуда глиняный шар размером с кулак.

Я пригнулся за наковальней, но ожидаемого острия так и не последовало. Я моргнул, и в памяти всплыло воспоминание о боеприпасе, чистое, как родниковая вода. Жутковато - память у меня никогда не была настолько хорошей, и я никак не мог разглядеть столько деталей, сколько разглядел. Точилки были глиняными шариками, да, но обычно у них была торчащая палочка. У этого ничего подобного не было. Да и палочка была не яркая. Коптилка? Я никогда не видел их схем, поэтому не знал, как они выглядят. Ответ пришел в виде ревущей печи: раздался оглушительный взрыв и вспышка зеленого света. Я выглянул из-за наковальни и увидел, что вся передняя часть литейного цеха горит. Жуткое зеленое пламя с каждым мгновением распространялось все дальше, а Чайдера не было видно. Я заметил, что горит печь. Горела металлическая печь. Зеленое пламя, горящий металл? Вот черт.

"Гоблинский огонь", - прохрипел я в пустую комнату, поспешно отступая назад. Этот глиняный шарик был не дымом, а проклятым гоблинским огнем. Самое запрещенное вещество на территории Империи - за одно только обладание им можно было схлопотать виселицу, - а Чайдер просто небрежно бросил шарик в открытый огонь. Никто, кроме гоблинов, не знал, что такое гоблинский огонь, но Завоевание приучило калловцев бояться вида зеленого пламени: оно сжигало все, включая воду и даже магию. Семь дней и семь ночей оно продолжало гореть, и его невозможно было потушить, пока оно не прекращалось само по себе. В Лоре до сих пор есть места, где земля представляла собой лишь почерневшее стекло - это вещество было использовано при взятии города легионами. Если бы хоть что-то из этого вещества коснулось меня, то лучшее, на что я мог рассчитывать, - это превращение в почерневшую шелуху до конца своего жалкого существования. Что ж, похоже, я уйду не через парадную дверь, - мрачно заметил я.

А это означало, что придется снова ввязаться в ту самую драку, которой я пытался избежать.

Тогда новый план: убираться отсюда, пока Королевская Литейная не превратилась в самое близкое к настоящим адам место на Сотворении. Возможно, при случае ударить кого-нибудь ножом, но не стоит идти на глупый риск. Выглядеть безрассудной было полезно - быть безрассудной было смертным приговором для девушки в моем положении. Естественно, что в тот момент, когда я уже решила действовать по-новому, Рашид решил появиться. Выйдя из дверного проема, юноша в маске и халате затрепетал, направляясь ко мне. Его скимитар был измазан кровью и кусками костей, но от этого не казался менее острым.

"Я же говорил тебе, что у нас есть незаконченное дело, Каллован, - шипел он на тагребском. "Я с нетерпением ждал этого". "Правда, Рашид?" пожаловался я. "Мы собираемся устроить смертельный поединок посреди литейного цеха, полного гоблинского огня? Нельзя ли хотя бы перейти в другую комнату?" "И рисковать тем, что кто-то из завуалированных жалких существ украдет мою жертву?" - усмехнулся он. "Думаю, нет". Видимо, этого было достаточно, потому что он ударил без предупреждения. На этот раз никаких уловок, никаких попыток заставить меня врасплох: изогнутый меч нацелился мне в шею, но я отбил его своим клинком прежде, чем он успел приблизиться к тому, чтобы пустить кровь. Видимо, за последние два дня он нашел целителя, потому что рана, нанесенная мною в ночь нашей первой встречи, похоже, не замедлила себя ждать. "Ладно, - сквозь стиснутые зубы процедил я, отталкивая его скимитар. "Тяжелый путь".

Я попытался отбить его ногу, но он ловко крутанулся вокруг меня, и клинок, мелькнув, прошелся по моей незащищенной спине. Я зашипел от боли и взмахнул мечом, чтобы оттолкнуть его, уже чувствуя, как в ране забурлила кровь. Черт. Очень надеюсь, что это не яд. Он бросился прочь, тщательно выбирая дистанцию и преследуя меня, как ворона кружит над трупом. Краем глаза я видел, как зеленое пламя продолжает распространяться, поглощая все на своем пути. Я поднял меч по средней линии, выровняв профиль, чтобы ему было труднее попасть по мне. Все это было бы гораздо проще, если бы у меня был щит, и я еще раз проклял себя за то, что, если бы я шел с ним, Сыновьям было бы все равно. Его нога сместилась, но я не собирался позволить ему снова перейти в наступление: Я нанес первый удар, целясь ему в грудь.

Но недостаточно быстро. Полшага назад - и он уже вне зоны моей досягаемости, а когда мой клинок убрался, он последовал за ним одним плавным движением. Скимитар снова сверкнул, настигая мою руку-меч гораздо быстрее, чем я предполагал. Наклонившись вверх, он принял на себя большую часть удара, но острое все равно пробило кусок предплечья, прежде чем он успел отпрыгнуть. Я проглотил вскрик боли, плотно сжав губы. Что происходит? В прошлый раз он не был так хорош, и, насколько я мог судить, его техника не стала лучше. Он просто был лучше. Что-то в этом поединке усиливает один из его аспектов. Я не мог с этим сравниться, черт меня побери. Единственный мой аспект, с которым я разобрался, был "Учиться", и, похоже, мое Имя не считало дуэли до смерти возможностью для обучения. "Вот оно, то, чего я ждал", - промурлыкал Рашид. "Момент, когда ты, наконец, понимаешь свое место в мире".

Впервые в жизни мне было слишком больно, чтобы придумать достойный ответ. Вместо этого я нанес удар, целясь в то же плечо, которое ранил в прошлый раз, но он с презрительной легкостью отбил мой удар. Моя рука дрожала, и после того, как меня ударили дважды, я слишком долго колебался, чтобы правильно выполнить удар. "Может быть, мне просто оставить тебя здесь, - размышлял мальчик сквозь маску. "Запереть дверь и дать тебе сгореть заживо. Говорят, зеленое пламя еще более мучительно, чем обычное". Я попытался сделать глубокий вдох, но в итоге вдохнул немного дыма, который все больше проникал в комнату, и закашлялся. Рашид даже не соизволил воспользоваться этим открытием, предпочитая просто стоять и излучать веселье. Я проигрывал. Я проигрывал и собирался умереть. Истина, которую я осознал, словно вытеснила все краски мира.

У меня не было никаких хитростей в рукавах, и это был не тот противник, которого можно было уговорить не драться. Рашид пришел сюда, чтобы пролить на землю кровь моей жизни, и не уйдет, пока не добьется своего. Он был быстрее меня, опытнее в таких поединках, и с каждым ударом моего сердца на пол проливалось все больше моей крови, а он оставался не раненным. Теперь пропасть между нами могла увеличиться только в одну сторону. Я умру здесь, понял я. Так далеко мне еще не удавалось зайти, при всех моих грандиозных амбициях - убит в заброшенном литейном цехе каким-то идиотом в маске, который, как оказалось, лучше владеет клинком. Какая глупая, глупая смерть. Боже, как я устал. Не прошло и двух недель с тех пор, как я покинул Лор, а казалось, что прошли годы. Жар разгорающегося пламени лизал мою кожу, и я подумал, не стоит ли просто позволить ему пронзить меня насквозь. Это было бы более быстрой смертью, чем позволить ему разбирать меня на части, рана за раной, как он того явно хотел.

"У меня были такие планы, знаете ли, - заговорил я в наступившей тишине. "Сделать другой мир, лучший мир". "Это иллюзии слабака", - ответил Рашид с неприкрытым презрением. "На тараканов надо наступать, вот и все". Презрение, прозвучавшее в этих словах, было похоже на пощечину. "Ты не имеешь права так говорить, мелкое дерьмо", - сказал я низким голосом. "Даже если ты меня здесь побьешь, ты не имеешь права так говорить". Что-то в моем животе зашевелилось, как старые угли, под поверхностью запылал жар, которому нужно было только подходящее топливо, чтобы разгореться. Мне было все равно, убьет ли он меня, - больше всего на свете я хотел, чтобы этот презрительный мудака оказался неправ. Неважно, что меня превосходили в силе, неважно, что у него были все преимущества, а у меня - почти никаких. Я собирался заставить его задохнуться от этих слов, задыхаться до тех пор, пока его лицо не посинеет, а глаза не выскочат. Даже если я истеку кровью. Даже если я сгорю. Даже если я буду истекать кровью, даже если с моих костей будет содрана плоть. Я буду бороться.

Сила струилась по моим жилам, ее биение заглушало даже рев пламени. Я поднял меч и шагнул вперед. "О?" Рашид захихикал. "Мы..." Я ударил кулаком по его маске, разбив ее, как дешевую декорацию. Скимитар поднялся, но я схватил его за горло и швырнул на стол. Мое Имя пульсировало под кожей, как живое существо, питаясь борьбой. Тагреб зарычал и поднялся на ноги, а я продолжал идти вперед, нанося удары почти слишком быстро, чтобы за ними можно было уследить. Медленно. Так медленно. Как я мог подумать, что он быстрый? Мой меч опустился на его запястье, и из него брызнула кровь. Его рука упала, пальцы все еще сжимали рукоять клинка. Теперь я мог видеть его лицо, видеть страх, появившийся в этих темных глазах. "Я...", - прорычал он, но я заставил его замолчать, вонзив острие клинка ему в горло. Страх сменился неверием, и я одним движением руки вырвал меч. Он упал на землю.

"Наступили", - закончил я шепотом. "Таракан". Я наблюдал, как из мальчика вытекает жизнь, стоя над ним с окровавленным клинком в руке, в то время как пламя отбрасывало свой адский зеленый свет. В тот момент, когда он испустил последний вздох, я почувствовал, как внутри меня что-то щелкнуло, словно еще один кусочек головоломки, которую я не мог разглядеть, встал на место. Сила в моих венах померкла, а затем исчезла. Боль, которую я уже перестал замечать, снова нахлынула на меня, и я заскрипел зубами, покачиваясь на ногах. Прикосновение к силе Имени измотало меня, и не только потому, что на мгновение сняло усталость. И я не думаю, что эта маленькая вспышка повторится. Во всяком случае, не сегодня. Бросив последний взгляд на только что убитого мальчика, я шагнул в дым.

Глаза хотелось закрыть, а тело - свернуться в клубок и спать до тех пор, пока вся эта неразбериха не исчезнет и не станет чужой проблемой. Я позволил себе роскошь подумать о том, насколько приятнее была бы моя жизнь, если бы я был человеком, готовым к этому. Затем я глубоко вздохнул и пошел на звук боя, подняв меч. Нет покоя нечестивцам.

У Одинокого Мечника было два противника, но Чайдера среди них не было. Тамика, по подбородку которой стекала кровь, пробитая зачарованным мечом, перезаряжала арбалет, сражаясь с героем копьем. Она тоже была в белом одеянии и не ранена. Я моргнул, проверяя, не сбилось ли у меня в голове что-то после эпизода с именем: тамиков действительно было двое. Та, что стреляла в меня раньше, все еще носила раны, нанесенные ей Мечником, но вторая была нетронута. Я вспомнил, что Рашид уже упоминал о несчастных. Тогда я подумал, что это ошибка, но, видимо, нет. Какими бы хитроумными уловками ни пользовались назгулы, им действительно удавалось оттеснить героя: когда темноволосому удавалось завалить того, кто сражался с ним копьем, другой выпускал в него арбалетный болт. Когда же он пытался достать того, кто был с арбалетом, копьеносец начинал яростно его теснить.

Тактика, которую они использовали, не отличалась особой изощренностью, и Одинокий Мечник, казалось, не имел никаких ран, кроме прорехи в кожаном плаще, открывавшей цепную броню, прикрывавшую его предплечья, но... Он тоже не продвигался вперед. Их синхронность была слишком хороша: каждая атака перетекала в следующую, и ни один из них не пропускал ни единого удара. Никто из них пока не замечал меня. Я тихонько подошел к той, которую теперь называл Арбалетной Тамикой. Она была одета в прочную кожу, но без шлема - шея была обнажена, и мне надоело играть со своими товарищами. Я успел подойти к ней на расстояние трех футов, прежде чем Тамика с копьем заметила меня. Ее глаза расширились, но было уже поздно: Я уже наносил удар и... и вот я уже пригибаюсь, когда вторая из них поворачивается лицом ко мне и выпускает свой болт в то место, где я был мгновение назад.

Она никак не могла знать, а тем более так быстро прицелиться. Может быть, они находились в поле зрения друг друга? Боги, это был бы до смешного полезный трюк. Тамика с копьем отошла от героя прежде, чем я успел сократить расстояние, отделявшее меня от другого, подойдя достаточно близко, чтобы успеть прийти ей на помощь, если я попытаюсь вмешаться, пока она перезаряжает арбалет. Что ж, это была проблема. "Одинокий мечник", - позвал я. "У меня к тебе вопрос". "Нет", - мгновенно ответил он. "Ты даже не знаешь, о чем я спрашиваю", - пожаловался я. "Я мог бы предложить свою капитуляцию". Он прищурился на меня. "А ты?" "Об этом мы поговорим позже", - отмахнулся я. "Очевидно, что вы - суровый тип, но как далеко вы продвинулись по шкале антигероев?" "Настолько, насколько мне нужно", - серьезно ответил он.

Я подавил в себе желание сделать из этого что-нибудь. Арбалет Тамики уже закончил перезарядку, и они, похоже, обдумывали свою следующую цель. Мне очень не нравилось, как Тамика с копьем начала поворачиваться ко мне. "Ты из тех, кто работает с врагами?" поинтересовался я. "Ну, знаете, для общего блага и все такое". Я слишком много внимания уделял копьеносцу: в это время Тамика с арбалетом спокойно наводила прицел и спускала курок. До сих пор мне везло с болтами, но, поскольку последние остатки силы моего Имени угасали, я уже не обладал той скоростью, которая позволяла бы мне уворачиваться от них: она промахнулась мимо моей груди, но снаряд с влажным стуком вонзился в плоть моего плеча. Я вскрикнул от боли, едва не выронив меч от шока. "Черт", - выругался я.

Дрожащей рукой я отрубил ствол ракеты, но с извлечением ее пришлось повременить: я был уверен, что такое кровотечение меня убьет, после того как из меня уже вышло столько Рашида. Лицо Одинокого Мечника было непостижимо, но если он не ответит в ближайшие несколько мгновений, мне придется... "Ты ведь Кэллоуэн, не так ли?" - спросил он. "Родился и вырос в Лоре", - подтвердил я. "... только до тех пор, пока они не умрут", - проговорил он с явным отвращением в голосе. "Ни минуты больше". "Вы такой очаровашка", - вздохнул я, сопротивляясь странному желанию покрутить раненое плечо. Болт и без того причинял боль, а тут еще он впился в мою плоть. "Она пришла сюда, чтобы убить тебя", - вдруг сказала арбалетчица Тамика, ее голос звучал странно отстраненно, когда она обращалась к герою. "Он

- твой враг", - сказала мне вторая таким же тоном. "И ты тоже", - хмыкнул я, подталкивая себя к действию. Копьеносец был ближе всех ко мне, поэтому я двинулся к нему.

Не говоря ни слова, она рванулась вперед, и наконечник ее копья метнулся вперед в мгновение ока. Я уклонился от удара, хотя был близок к этому: истощение и потеря крови начали сказываться, имя это или нет. Я заставил свои уставшие конечности пружинить и проскочил мимо наконечника ее копья, но Тамика, не пропустив ни единого удара, вонзила древко прямо в мое раненое плечо. Я опустился на одно колено, пытаюсь превратить свой крик в проклятие, но это удалось лишь наполовину. Я заскрипел зубами и поднялся, но удар древка пришелся мне по лицу и отбросил меня в сторону. Меч выпал из моей руки, рукоять была в крови, и, когда я отчаянно пытался дотянуться до него, сапог Тамики опустился на мои пальцы. Я почувствовал, как фаланги сломались с неприятным треском. Я хныкал и смотрел, как копьё поднимается, направляясь наконечником к моему горлу, как вдруг оно остановилось. Без единого слова предупреждения моя противница бросила свое оружие в сторону другого участника поединка.

Я был без оружия, черт, и - и не был. Моя левая рука потянулась к ножу, который я выиграл, перерезав два горла, ножны были спрятаны на поясице. Тамика подняла руку, и темный дым за клубился в ней, снова превращаясь в копьё, но это было еще не все. С тяжелым криком я снова поднялся, чувствуя, как жжет кожу, когда я выдергиваю руку из-под ее сапога. Она споткнулась от неожиданного толчка, и моя рука выгнулась дугой, а маленький нож превратился в серебристое пятно, когда я вогнал его ей прямо под подбородок. Тамика беззвучно моргнула, кровь хлынула, когда она пыталась вдохнуть. Я вывернул нож и вырвал его, кровь из перерезанной артерии брызнула на верхнюю часть тела. Сонинка сделала нерешительный шаг назад, затем еще один, и ее рука коснулась раны, а материализовавшееся копьё шлепнулось на землю. С другого конца комнаты донесся жуткий крик, который внезапно оборвался.

Я взглянул и увидел, что голова другой Тамики покатилась по полу, порез был настолько идеальным, что кровь начала вытекать только через несколько ударов сердца. Я снова упал на колени, но меч был под рукой. Я попытался поднять его рукой, но сломанные пальцы отказывались двигаться.

Но боли не было. Неужели я уже перешагнул этот рубеж? Я опустил нож и взял меч левой рукой, когда Одинок Мечник спокойно подошел ко мне. За спиной я почувствовал, как огонь гоблинов начинает распространяться в этой комнате, и с влажным смешком увидел, как из другого выхода начинает пробиваться зеленый свет. Чайдер подожгла оба конца. Конечно, она это сделала. Героя это, похоже, не волновало, так как он стоял передо мной - я вонзил острие меча в землю, чтобы встать на ноги. Вот так удалось избежать кульминационной схватки. Одинок Мечник нахмурился, но, несмотря на это, его лицо оставалось раздражающе красивым. "Ни минуты больше", - напомнил он мне.

Меч затуманился и издал ужасающий звук, проливая мою кровь на пол. Я почувствовал огненный след на своей груди, и что-то твердое ударило меня в живот. Я споткнулся и упал на пол. Мои конечности были холодными. Кто-то уходил, я знал кто, но не мог вспомнить имя. Дым причудливыми узорами стелился по потолку, а я лежал. Умирал. Не знаю точно, сколько я пролежал. Я все еще что-то слышал, но события приходили разрозненно. Вспышка ослепительного света и звук ломающегося дерева. Три раската грома - или пять? Помимо холода, пронизывающего меня, я чувствовал сильнейший зуд, но ничего не предпринимал. Это было похоже на картину, которая почти закончена, но не совсем. Как будто нужно сделать последний мазок кистью, и все встанет на свои места. Я лежал, слушал, как зеленое пламя пожирает мир, и чесался. А потом щелкнуло.

Осознание вновь нахлынуло на меня. Я была Екатериной Подкидыш, дочерью никого и ничего. Когда-то я сражалась с людьми за золото, но получила лишь серебро. Я отнимала жизни, и правосудие приходило за мной с мечом, который плакал, как скорбящий человек. Я был подмастерьем у чудовищ, но мечтал создать мир без них. Я был предателем всех целей, кроме своей собственной, и мой путь привел меня к этому моменту: истекающий кровью на полу, окруженный огнем. Все остальные претенденты были мертвы, а я - оруженосец. С каждым вздохом мой разум прояснялся. Но это не приносило успокоения. Под моей кожей бурлило Имя, наконец-то мое, но оно не приносило исцеления. Зло никогда не исцеляет. Я хотел встать, должен был встать, если не хотел отпраздновать свою победу, весело сгорая заживо, но тело не желало подчиняться. Я был больше чем наполовину трупом, и выносливость, которой я всегда гордился, окончательно меня подвела. Больше половины трупа, да. Идея обрела форму, абсурдную во всех смыслах.

"Я уже видел, как поднимают трупы", - проворчал я про себя, издав жуткий смешок. Я потянулся к глубинам своего Имени, погружаясь так глубоко, как только мог, не задумываясь. Оно все еще было там, это прохладное ощущение, которое я помнил с того солнечного дня, когда я сделал свое крепление. Как вода на глубине, никогда не видевшая солнца. Я схватил силу, скрутил ее в нити. Медленно, осторожно я завязывал узлы вокруг своих конечностей. Тут до меня дошло, что я делаю из себя марионетку, и я издал еще один гогот. Что ж, лучше я, чем кто-то другой. Открыв глаза, я посмотрел на потолок и потянул. Левая нога дернулась вверх - мышцы напряглись, но выдержали, и к ней присоединилась правая. Собрав всю свою концентрацию, я потянул за самую большую веревку: живот резко подался вверх, и я снова встал на ноги. "А теперь, - объявил я пустой комнате, - мой следующий фокус..." Раз, два, три, четыре, пять. Один за другим мои сломанные пальцы встали на место.

Я не почувствовал ни малейшей боли от этого действия, что вряд ли было хорошим знаком. Я сжал руку в кулак и отпустил струны: пальцы разжались, по-прежнему не реагируя на мои попытки заставить их двигаться. Придется обойтись. Как самый безумный кукловод Творения, я тянул и тянул, пока мне не удалось вернуть меч на место, а нож - в ножны. Я заметил, что в стене есть дыра. Очевидно, Одинокий Мечник решил дилемму с обоими горящими выходами, проделав свой собственный. От того, что он использовал для прорыва, воняло магией, но мне это не показалось вредным: Я вышел в переулок, равнодушно пожав плечами. Улица была пустынна, хотя недалеко от ее устья я обнаружил на камнях мостовой черную кровь гоблина. Там же лежал без присмотра ранец Чидера, распоротый ударом меча. В нем, как я видел, еще оставались боеприпасы.

Я рассеянно взял в руки точило, но чем дольше я смотрел на него, тем больше блуждал мой разум: Я посмотрел вперед, покинул улицу и вышел на большую аллею.

Я находился возле лестницы, ведущей на внешние стены, и там, на валах, увидел резко развевающийся плащ. Там стоял Одинокий Мечник и задумчиво смотрел в ночь, а ветер дразняще трепал его темные локоны. Я успел подняться на половину высоты, прежде чем понял, что делаю, а потом было уже поздно. Манипулирование собственным ближним родственником, видимо, не очень хорошо поддавалось скрытности, потому что он повернулся ко мне задолго до того, как я оказался на расстоянии удара ножом. Жаль, было бы очень приятно просто вонзить меч ему в спину и оттолкнуть от стены. "Ты, - нахмурился он и побледнел, присмотревшись. "Что ты с собой сделал?" Я попытался ответить, но получилось лишь наглое бульканье. Точно, все еще умираю. Это было прискорбно. Мне было не до шуток, и я метнул в него острие. Я промахнулся и попал ему за спину, но взрыв все равно свалил его с ног. Небольшая услуга, я полагаю.

Мне потребовалось две попытки, чтобы вытащить меч из ножен - угол было трудно

представить, - но к тому времени, когда он оправился от ударной волны, я уже был на нем. Я дернул за веревку, рука опустилась, и клинок врезался в его неловко парированный меч. Слишком грубо, отметил я, чувствуя, как мышцы руки рвутся, словно дешевая ткань. Сила удара была чудовищной, хотя я с легким удивлением отметил, что острое его клинка действительно порезало мой. В конце концов, это пригодилось: когда я отдернул руку назад, меч вырвался из его руки и попал в мою. Я отшатнулся, отдернув руку назад и вперед, и, ударившись о пол, выкинул ее на улицу. Я попытался заговорить снова, но в итоге выплюнул жирную каплю крови, а он с ужасом посмотрел на меня и отступил. Тем не менее, это помогло мне прочистить горло.

"Я же говорил, что мой план работает", - прохрипел я. "Ты планировала превратиться в некроманическую мерзость?" - ахнул он, все еще настороженно отступая. Не совсем, но доказать это он не мог. Я обошел вокруг него с поднятым мечом, заставив его встать у края стены. Внизу бежали темные воды реки Хваерте - еще одна защита в арсенале Ворот Востока. "Ты - Каллован", - сказал он, когда молчание стало неловким. "Мы должны сражаться бок о бок, а не друг против друга. Почему ты работаешь на них? Как ты можешь оправдать работу на этих тиранов?" Я заметил, что он не так стремился к общему делу, когда у него был меч. "А на кого же еще работать?" Мне удалось вымолвить это, но мой голос был настолько груб, что я едва мог признать его своим. Он страстно замахал рукой. "Каллоу!" - ответил он. "Для Королевства и всех людей, которые в нем живут".

"Нет никакого Кэллоу", - прохрипел я. "Королевство умерло двадцать лет назад. Еще до того, как кто-то из нас родился". "Если хотя бы один человек сражается под этим знаменем, Королевство все еще живет", - сказал он так, словно только что открыл мне какую-то великую истину. Герои. "Королевство из одного человека", - проговорил я, задыхаясь от кашля. "Да здравствует король Мечник, повелитель глупых затей". Зеленые глаза превратились в сталь, и я дернул за струны, чтобы сместить ногу, наполовину уверенный, что он собирается напасть. "В свободе нет ничего глупого", - прошипел он. "Собираешься освободить нас, да?" Я рассмеялся. "Как? Убивая имперских губернаторов? Никто здесь не стал свободнее, чем когда ты начинал". "Значит, я должен стоять на коленях и лизать сапоги Врага, как это делаешь ты?" - фыркнул он. "Никогда. Я лучше умру".

Я могу убить его. Прямо сейчас, прямо здесь, в глубине души я знал, что могу убить его. Может быть, в следующий раз, когда мы встретимся, мне это и не удастся, но в этот раз течение сюжета было в мою пользу. Это было заманчиво, но краем сознания я различал дорогу. Это был темный путь, усыпанный руинами и смертью невинных, но разве я не перестал притворяться, что нахожусь на стороне Небес, как только взял в руки нож? "Докажи это", - прохрипел я. "Если ты хочешь, чтобы твой путь победил мой, то напади на меня снова. Как следует. Заслужи свое Имя, герой. Беги, прячься, собирай свои армии в темноте. Заключай сделки, о которых потом будешь жалеть, пока тебе не останется ничего, чем можно было бы торговаться. Я буду ждать тебя по ту сторону поля боя". Лицо мечника померкло, когда я опустил меч. "Но помни об этом", - сказал я. "Сегодня ночью? Я победил".

Быстрее, чем можно было уследить, я столкнул его со стены. Он что-то крикнул, я не смог разобрать, и, когда он упал в темную воду, я сделал шаг назад от края пропасти. Закрыв глаза, я дал понять, что только что сделал. Не жалея жизни, я только что убил тысячи людей. Я пообещал городам огонь и разрушение, посеял семена восстания, которое разорвет на части землю моего рождения - ту самую землю, которую я хотел спасти. Но я также купил войну, которая мне была нужна. Будь я проклят, но я купил нужную мне войну. Одна за другой лопались веревки, удерживающие меня на ногах. Я бессильно опустился на землю, на грани потери сознания. На улице было хорошо. Прохладно и успокаивающе, после столь долгого пребывания в огне. Я услышал шаги по камню, спокойные и неторопливые. "Тяжелая ночь?" -

пробормотал кто-то. Я открыл глаза и встретился взглядом с жуткими зелеными глазами.
"Меня зарезали", - пробормотал я. "Много."

"Это случается с лучшими из нас, сквайр", - пробормотал темноволосый мужчина, и я почувствовал его руку на своем плече, прежде чем темнота поглотила меня.

<http://tl.rulate.ru/book/93177/3198782>